

НА БРОННОЙ ИДЕТ ОХОТА НА ВЕДЬМ

В Московском театре на Малой Бронной начался процесс над «Салемскими ведьмами» Артура Миллера. Художественный руководитель театра Сергей Голомазов стал инициатором этого невероятного действия.

В 1692 году в маленьком городке Салеме штата Массачусетс (США), основанном выходцами из Англии (в основном это были пуритане), прошел суд. Суд над «ведьмами». Под подозрение попадали все! А обвиняли всех девочки. Они казались вполне безобидными, ангелы, но именно они подписывали людям смертные приговоры. Они вдруг увидели зло, много зла и охотно делились своими «видениями». Им, оказывается, помогал неизвестный дух ведьм! Горожане искренно им верили и судили всех, на кого они показывали. В общей сложности было казнено 19 человек. Через девятнадцать лет (1711) суд над салемскими «ведьмами»

был признан незаконным. Что являла собой эта охота на ведьм, массовое безумство (стремление казнить людей, прямо «жажда крови») или социальные, религиозно-политические мотивы (менталитет жителей соответствовал типичной средневековой европейской стране)? Это осталось загадкой до сих пор.

9 февраля 1950 года неизвестный сенатор (республиканец) от штата Висконсин Джозеф Маккарти заявил, что в государственном департаменте США работает 205 коммунистов. То есть советско-коммунистическое влияние, как злой дух, проникло на самый верх, разрушает государственные устои самого демократического государства в мире. Хотя сами демократы во главе с президентом Гарри Труменом не поддерживали накручивающийся политический ком. Какие мотивы побудили господина Маккарти на такие заявления? Может быть,

Джон Хэйл — Д. Гурьянов

Дэнфорт — М. Горевой, Джон Проктор — В. Яглыч

просто бытовой алкоголизм? Известно, что сенатор злоупотреблял. Он скончается через семь лет от цирроза печени, но это будет после... А в злополучный год для американской элиты Конгресс США принимает закон «о внутренней безопасности», вырабатывает систему борьбы с инакомыслящими СМИ. Через два года (1952) вышел закон об ограничении миграции. Уже через год маккартисты — самая влиятельная группа в партии. «Охота» и «чистки» продолжались с безумным, на грани фанатизма жесточением. Гонениям подвергались знаменитые деятели США. Не оставляли без внимания и университеты, где увольняли профессоров и сжигали книги. В 1954 коммунистическая партия стала незаконной, была лишена всех прав и привилегий...

Именно в это время Артур Миллер пишет пьесу «Суровые испытания», в основе которой суд над салемами «ведьмами». Пьеса им задумывается как своеобразная народная драма. Чувствуется, что

самому драматургу тесно в драматической форме, и он включает в нее ремарки, в которых подробно объясняет историческую ситуацию и дает описание героев. Писателю очень важно, чтобы считывался исторический контекст.

Содержание пьесы — это перипетия судебного процесса над фермером Джоном Проктором и его женой Элизабет. Они стали жертвами навета служанки Абигель, с которой Проктор несколько месяцев назад «согрешил», после чего девушку уволили. Она мстит ему из ревности, манипулируя ситуацией, используя ханжество пуританского Салема. Проктор выказывает мужество, сохраняя собственное достоинство...

Миллер очень подробно показывает, как начинается процесс «охоты» на человека... Вот появилось надуманное обвинение в колдовстве, в сотрудничестве с дьяволом, и оно захватывает, втягивает, как воронка всасывает в себя все больше и больше жителей городка. Игра в «дьявольщину» начинает разрушать се-

«Салемские ведьмы»

мы, позволяет достичь корыстных целей и держать людей в страхе.

Большую известность драме принесла экранизация 1957 года — «Салемские колдуньи» с Ивом Монтаном и Симонной Синьоре. В начало 60-х годов XX века Московский театр им. К.С. Станиславского ставит популярную пьесу. Роль Джона Проктора сыграл легендарный Евгений Урбанский.

Потом были постановки Темура Чхедидзе в БДТ и Анджея Бубеня в «Театре на Васильевском», Вячеслава Долгачева на сцене «Нового драматического театра» и Виктории Доценко в Театре «У Никитских ворот»...

Сергей Голомазов поставил большое драматическое полотно, как и задумывал мастер психологического театра Артур Миллер. Режиссер шаг за шагом вводит нас в социально-психологический мир безумия, «охоты за ведьмами», создавая полифонию звучания политических, социальных, исторических, религиозных конфликтов. Чувства, мысли,

визуальное ощущение после спектакля не оставляют, ты как будто впустил в себя мир Голомазова и он разрывает тебя своей многогранностью и множеством аллюзий с историей, современностью, ожиданием апокалиптических событий.

На сцене срез нового дома с покатою крышей, но стены странные, как будто сделаны с перфорацией, некая старая телеграмма с использованием кода Бодо. И все! Такой минимализм (художник-постановщик **Николай Симонов**)... Сам дом — это пространство, включающее в себя и лес для языческих игрищ девушек, и дом героев, и зал для судилища (место для «Страшного Суда»), и страна... и церковь... Когда отпадет в доме вертикальная доска, образовав вход, то вместе с боковыми вытянутыми горизонтальными окнами будет читаться крест, создавая ощущение модернистской, обновленной церкви.

Вдоль стен дома стоят кубы. Они и подставки для стола и перехода, моста, и стулья, и лежанка, и некий барьер в нача-

Дэнфорт — М. Горевой (в центре), Иезекииль Чивер — Д. Варшавский, Самуэл Пэррис — А. Рогожин, Судья Готторн — А. Никулин

ле второй части драмы, который разберут, чтобы зрителей (участников) ввести в зал суда, и место признания связи с дьяволом... Кубы будут и плахой, и трамплином для взлетающих душ, и перегородками, крестообразно разделяющими зал приема полномочного представителя губернатора Дэнфорта, но это уже в конце, перед самой развязкой драмы...

Художник по свету **Айвар Салихов** выразительными и выверенными средствами вначале вводит нас в магическое пространство матрицы, носительницы исторической информации, потом переносит в ночной лес, а следом в скучную комнату, расчерчивает ее... А затем высветит зал суда, просветит стены, расширяя границы дома, показывая за ним глубину драмы Салема, висящие тела... Трагедия города, как тяжелое грозное черное облако накрыет все: и сцену, и зал...

Режиссер раскрывает трагедию общечеловеческого судилища, которое ведет полномочный представитель губернато-

ра судья Дэнфорт (**Михаил Горевой**) ради борьбы с дьяволом. А кто он сам? С дьяволом ли он борется? Перед нами предстает умный, честный, пронзительный, харизматичный защитник закона. За Дэнфортом сразу возникает шлейф помощников. Так и должно быть. Он главный рыцарь чистоты, обличитель зла, спаситель города, страны, церкви... Но это на первый взгляд. Окажется, что Дэнфорт — властолюбец, ловкий полемист, лицемер, психологический манипулятор, самовлюбленный эгоист... Духовный переворот в человеческом облике. Ему нужно, чтобы подсудимый согласился, что общается с дьяволом, и тогда ему даруют жизнь. Даруют ли? И какую жизнь?

Горевой настолько виртуозно вырисовывает свой образ, что его герой вызывает симпатию, он обаятелен, артистичен, но это чувство пронизано неким напряжением и ощущением чувства двойственности по отношению к этому персонажу. Оно подтверждается, когда в конце дра-

Джон Проктор — В. Яглыч, Абигель — Н. Самбурская

мы сбрасывается маска, и мы видим начало и конец, вход и выход света и тьмы, двуликого Януса. Горевой и Голомазов поднимают осмысление своего героя до вселенского уровня. Их Дэнфорт — всеобъемлющий судья, царь и тут же антицарь, антисудья... антихрист... Это ключ (код) к пониманию тайны спектакля. Мы становимся свидетелями пророческой драмы Миллера.

Эта появившаяся социальная, политическая и метафизическая глубина придает каждому образу в спектакле такой объем, что ты как бы погружаешься в каждого персонажа и ощущаешь их трех- или четырехмерный мир. А все начинается с безумного, неудержимого пения, многоголосья девушек в дымке и полусвете... В ночном, лесном полумраке... Вот они, «ангелочки», исходят в музыкальном ритуальном трансе, языческом звучании. Этот музыкальный шабаш ведет Абигель (**Анастасия Самбурская**).

Это некая точка, начало, и мы становимся свидетелями механизма распро-

странения обмана. Под видом влюбленности в Абигель прорывается похотливая страсть, никчемность, самомнение, а главное — желание украсть чужую чистоту, разрушить сакральность истинных человеческих отношений. Самовлюбленная эгоистка, наделенная порочной красотой, страстно растаптывающая все на своем пути. Это одна сторона медали, а вторая — вселенская пустота. Разыграв с подружками сценки, поглумившись над жителями Салема, она исчезает из города, обокрав дядю, проповедника Самуэла Пэрриса (**Андрей Рогожин**), который как гора стоял, защищая девушку в тот момент, когда казалось, что она будет вот-вот разоблачена в непристойных танцах. Но испарился, убежал «ангелочек» Салема, а судебную комиссию, все городское судилище оставил в дураках. Жалок и смешон его преподобие Пэррис, когда сообщает Дэнфорту о сбежавшей племяннице.

Абигель в спектакле Голомазова осмысливается до некоего вселенского лукав-

тва, она блудливая и проникающая во все ложь, управляющая всем и даже пытающаяся повлиять на Дэнфора, но это не простой судья! Он пресекает ее игру с собой. «Не смотри на меня... повернись к стене!» У них служение одному — лукавому, только разные уровни служения!

Трагедия Джона Проктора (**Владимир Яглыч**) сводится к итоговой сцене — выбору отправиться на виселицу, либо спастись, признав факт своего свидания с дьяволом. В кульминации он сначала подписывает ложное признание, но затем рвет бумагу — честность, человеческое смирение и достоинство, чистота и любовь, пронизывающая его после общения с женой Элизабет Проктор (прекрасная работа **Дарьи Грачевой**), оказывается для простого фермера дороже самой жизни. Жизнь... Что такое жизнь во лжи или жизнь после подписания договора с антихристом?

Сергей Голомазов с нескрываемой болью, но очень корректно раскрывает тему религиозного конфликта между Ветхозаветной церковью — Ребекка Нэрс (**Вера Бабичева**) и обновленцами, новой религиозной культурой, новой церковью, которая объединена образом проповедника Джона Хейлома (**Дмитрий Гурьянов**). Они оба говорят об одном, но цели и подходы разные, и тогда Истина отступает и происходит торжество Лжи, и коверкаются души самых молодых (Мэри Уоррен — **Полина Некрасова** точно вычертила линию своей роли). Как быстро люди становятся «слугами дьявола», только что они были обычные жители, прихожане, но, призванные к важному «делу», уже горделиво отбрасывают фалды черного пальто, как черные крылья, и переносятся, перелетают, арестовывая невиновных...

Каждая деталь в этом внешне скупом спектакле очень дорога. Художник по костюмам **Мария Данилова** предложила пальто, как образ, который становится метафорой. Это и тела, и души... висящие тела или падающие души... И когда они свалены вместе, и лежат на геро-

Мэри — П. Некрасова

ях драмы, то они тяжелы и неподъемны, как их и наши грехи.

Голомазов в каждом эпизоде спектакля дает возможность нам, участникам судилища (зрителям), через спектакль всмотреться в самих себя. Поэтому из последних слов Дэнфорта обращенных в зал: «Что, думаете, кто-то заплачет по вам?» — становится ясно: оплакивать мы будем только самих себя, потому что мы сами виновны в том, что происходит. «Суровые испытания» — уже не по Миллеру наступили для всех нас! Охота за «ведьмами» в самих себе уже началась, уже идет... Но поймает ли мы их?

Игорь ЯРИНСКИХ

Фото Владимира КУДРЯВЦЕВА